

Хронология в истории и постколониальные исследования (на примере колониализма в Индии)

С. С. Злобин,

научный сотрудник, магистр исторических наук,
Центр всеобщей истории, международных
отношений и геополитики
Института истории НАН Беларуси

Постколониализм (постколониальные исследования, постколониальная теория) – широкое междисциплинарное направление, берущее начало с выхода в 1979 г. книги Э. Саида «Ориентализм». Главным вопросом постколониализма является возможность идентификации колонизированного субъекта, туземца, угнетенного в условиях доминирования больших рассказов колонизатора. Рассказов о том, что такое человек, что такое мужчина и женщина. Постколониализм утверждает, что в рамках этих нарративов колонизированный человек Востока, человек периферии оказывался все время в приниженном положении.

Сконструированные колониализмом нарративы надо разобрать, разрушить, показать, как они дают идентичность колонизированного. Постколониализм по своей генеалогии связан с постмодернизмом, вследствие чего он довольно агрессивно подходит к разбору больших рассказов, часто деконструируя их до самого основания. Очень сильно достается гуманитарным дисциплинам. Философия, литература, история – все поучаствовали в том, чтобы разделить людей Востока и Запада и поставить человека Запада на более высокую ступень. Те же историки в этом случае

оказываются в затруднительном положении. История как дисциплина наполнена стереотипами о Востоке, Индии, туземце. Получается, что исследователь может быть занят только тем, чтобы находить и разрушать эти стереотипы. Как же тогда писать историю? Интересно только то, какие стереотипы сложились относительно историй Могольской империи, империи Гупта, а как было на самом деле в эти эпохи неинтересно? Но основная проблема даже не в этом. В конце концов, можно сказать: да, мы поняли, что колониализм сильно повлиял на наши представления, но сейчас мы это учтем и будем работать с историей других периодов более правильно.

Самое главное, что постколониальные исследования имеют проблемы с хронологией в истории. Линия времени, даты, хронология – это скелет, основа истории. И это касается не просто невозможности рассказывать о какой-либо эпохе, каком-либо событии, ссылаться на даты, а скорее той плавности исторического рассказа, когда мы повествуем об одном правителе, каких-то особенностях и проблемах его времени, а затем переходим к другому правителю, периоду. Это касается того, как мы ищем причины случившегося в историческом времени, может, чуть ближе или чуть дальше к событию. Мы чувствуем этот поток истории, ее времени, хронологии – это и есть история, исторический рассказ. Постколониализм же настолько сосредотачивается на эпохе колониализма, на современности, настолько ввязывается в критику этих периодов, что просто не замечает остальной истории. Время постколониализма ограничивается колониальной эпохой, которая продлевается до настоящего дня, и это является базовой преградой для работы историка с достижениями постколониальной теории.

Постколониализм пленен колониализмом, это его мания и паранойя. Постколониализм стремится всеми силами «ввинтиться» в колониализм, применить самые различные методы и подходы для рассмотрения всех возможных его сторон.

Постколониализм за каждым словом, каждым выражением видит колониальное обоснование. Неудивительно, что особое место в постколониальных исследованиях занимает литература. Писатели – лучшие мастера слова. Поиск угнетенным стратегии вживания в глобальный постколониальный мир, тематика последствий глубокой травмы колониализма, шрамов памяти – все это нашло свое место в рамках литературных произведений Чинуа Ачебе, Видиадхара Сурадждипрасада Найпола, Нгуги ва Тхионго, Джона Максвелла Кутзее, Тони Моррисон, Салмана Рушди, Питера Генри Абрахамса, Надин Гордимер, Ханифа Курейши, Чарльза Лавмора Мунгоши, Дерека Уолкотта, Воле Шойинка.

И литература еще в большей степени отрывает постколониализм от плавности исторического пове-

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 03.06.2022.

ствования. Литература, сконцентрированная на колониальной идентичности, на ее ограниченности, на ее бедах в современном мире, драматизирует колониальный момент, заставляет много о нем говорить, вследствие чего попросту не остается времени и сил на то, чтобы поработать с источниками других периодов, увидеть причины происходящих сегодня событий не только в колониальной эпохе, но и немного глубже или вообще как-либо по-другому.

И по-другому, наверное, никак. Ведь толчком к появлению постколониализма была мысль, что недостаточно получить декларативную политическую свободу. Наверное, связь с эпохой колониализма, которая мешала выйти на ровный путь устойчивого развития, намного глубже. Эта связь тесно слилась с системой сосуществования людей различных культур, рас, религий.

Лиля Ганди, правнучка Махатмы Ганди, отмечает, что возникновение антиколониальных и «независимых» наций-государств после колониализма часто сопровождается желанием забыть колониальное прошлое. Эта «воля забыть» приняла несколько исторических форм и приводилась в движение множеством политических и культурных мотиваций. Главным образом постколониальная амнезия симптоматична стремлению к историческому самоизобретению или потребности сделать новый старт – стереть болезненные памяти колониального подчинения [1, р. 4]. Лидеры национально-освободительного движения, выдвигая в своих сочинениях различные теории, пытались разрешить проблему идентичности новых образований. Французский писатель, поэт, борец за независимость Мартиники Эме Сезер, сенегальский поэт и философ, политик, первый президент Сенегала Леопольд Седар Сенгор, политический деятель Португальской Гвинеи и Кабо-Верде, один из основателей ПАИГК (Африканская партия независимости Гвинеи и Кабо-Верде) и ее генеральный секретарь Амилькар Кабрал, уроженец Мартиники, революционер, врач-психиатр, долго проработавший в Алжире, Франц Фанон и многие другие внесли значительный вклад в этом направлении. Например, концепция негритюда (Л. С. Сенгор [2]), идентичность в контексте капитализма и эксплуатации Европой своих колоний (Э. Сезер [3]), взаимосвязь пространства культуры и национально-освободительной борьбы (А. Кабрал [4]), взаимоотношение рас (Ф. Фанон [5; 6]). Эти работы были отражением столкновения мира глобального и мира локального, для чего самым широким полем рефлексии до момента независимости были отношения «колония – метрополия». Основное внимание концентрировалось на вопросе о том, как выразить себя на языке Запада как единственно доступном для построения связанного нарратива о своей идентичности. И ответить на него они не смогли. С той же Африкой до сих пор все не так. И постколониализм перерабатыва-

ет и перерабатывает колониальную травму, ищет возможности для бывшего колонизированного выразить себя на своем языке. Где уж тут до исторических источников по истории Могольской империи или империи Гупта. Переработать колониальную травму – это и так очень длительная работа.

Так может ли постколониализм сочетаться с хронологией в истории? Ведь исторические исследования не чужды и самому постколониализму. Колониализм, действия колониальных властей, конструирование глобальных нарративов – все это имеет историческое измерение и может быть изложено в контексте рассказа, похожего на исторический. Хронология в истории – нечто большее. Это, как отмечалось выше, скелет истории как дисциплины, и ответ на вопрос, может ли постколониализм сочетаться с хронологией в истории, будет основой ответа на более широкий вопрос: каковы перспективы исторических исследований в рамках постколониализма, поскольку на данный момент постколониализм больше ассоциируется с культурологией, литературной критикой, философией, чем с историей.

Для ответа на этот вопрос пример сочетания постколониализма и исторической дисциплины в рамках изучения истории Индии представляется самым презентабельным. На историографию истории Индии постколониальные исследования оказали, наверное, наиболее существенное влияние по сравнению с другими регионами. С постколониализмом связаны школа «Исследования угнетения» и самый выдающийся на сегодняшний день постколониальный историк Дипеш Чакрабартти. Темы колониальной власти и ее глубины так или иначе касаются практически все историки, которые занимаются Индией.

Г. Панди трактует развитие политизированных этнических и коммунальных групп в контексте британского колониального правления. Коммунализм стал своего рода путеводной звездой в толковании отношений между мусульманами и индусами (и другими общинами в Индии). Попытки объяснить коммунализм предпринимали британские историки, чиновники, офицеры, деятели национально-освободительного движения в Индии. И колониальная, и национальная интерпретации коммунализма сохраняли существенные общие элементы [7, р. 11]. Например, задача и колониальной, и национальной историографии – поиск причин коммунализма, что подразумевается некой признаваемой обеими позициями данностью коммунализма, чьи причины без труда могут быть найдены [7, р. 12–13]. Для колониального дискурса Индия являлась неким местом, обитатели которого постоянно доставляли неприятности своим непонятым, непредсказуемым поведением. Например, вызывали тревогу дни поминовения Хусейна [7, р. 34–36]. Тазией (театральное представление о мученической смерти Хусейна) называлось

одно из самых впечатляющих религиозных представлений в Индии [7, р. 35]. И в то же время отмечалось, насколько трудно местной власти регулировать эти процессии, наполненные криками фанатиков и возможным насилием против индусов [7, р. 36].

С. Сулери рассматривает специфику позиции Эдмунда Берка, который, имея определенную симпатию к Индии, таким образом заковал ее в категории возвышенного и далекого, что являлось, по С. Сулери, доказательством его отдаления от Индии, а не приближения к ней [8]. Интересно, как С. Сулери видит сочетание в дискурсе Эдмунда Берка описания Индии как возвышенное и ее категоризации. С. Сулери обрисовывает парадигму Э. Берка следующим образом: Индия как историческая реальность вызывает ужас возвышенного, таким образом предлагая колонизирующему разуму близкую динамику, которую она уже разделяет с эстетическим ужасом; такая близость вызывает желание классифицировать и перечислить все характерные черты желаемого объекта; присущая ошибка списка не представляет ничего другого, как то, что список служит причиной для возвышенного открыться в пустоту, смещая желание в большую долговечность разочарования [8].

Постколониальный дискурс переставляет, пересматривает, критикует, разрушает и выстраивает в новое целое все те выражения, которые достались нам от колониализма. Приведенные примеры показывают, как глубок колониализм, как изоциренно надо к нему подходить, чтобы выяснить его природу, какую литературную критику приходится использовать. Поэтому, например, даже если мы хотим выстроить некую постколониальную историю колониализма, все равно вслед за историком Г. Панди следует обратиться к литературному критику С. Сулери.

Постколониализм заиклен на колониализме. Однако, если взглянуть на произведения связанных с постколониализмом исследователей, все же стоит отметить то, что в них они используют факты, события из доколониальной истории.

А. Скариа в первой главе «Заметки к политике надежды» своего произведения «Гибридные истории: леса, границы и дикость в Западной Индии» указывает, что занимается гибридными историями. Он говорит, что многие угнетенные гибридные истории вовлечены в устную традицию групп Данги, безжалостно радикальны в своем обозрении прошлого и в вызовах, которые они артикулируют к отношениям доминирования и гиперреальной Европе. А. Скариа говорит, что это именно те моменты, за которые мы (ученые и активисты) должны ухватиться, так как это моменты мечтания о политике надежды [9, р. 14–15]. Для этого последовательный порядок книги А. Скариа не тот, который принадлежит профессиональному историку. Скорее, он действует в соответствии с двумя главными эпохами, в рамках

которых большинство Данги обрамляют свое прошлое, моглаи и мандини. Грубо говоря, моглаи – это время свободы, свободы двигаться в леса, вторгаться, собирать дань, называемую гирас, с равнин и иметь особую модель политической власти. Мандини – это одновременно эпоха и событие, которое отмечает конец моглаи. С мандини, часто ассоциируемым с британским доминированием, политическая власть Данги оказалась подорвана, и они не могли больше перемещаться, как раньше, и совершать набеги на окружающие равнины [9, р. 15].

В таком дискурсе чувствуется толщина истории, не плавность течения времени, а именно толщина, ее серьезность. Чувствуется, что можно говорить об истории исторически. Чувствуется, что мы не избавляемся от истории под влиянием озабоченного колониализмом постколониального дискурса, а перестраиваем свое историческое сознание, находим какие-то новые стратегии описания исторических событий. Надо найти новый исторический рассказ, в рамках которого будет место и критике колониализма (наверное, эта критика должна быть на первом месте), и событиям древней истории, и современным событиям. Исследование Вед, зарождения и распространения буддизма, история империй Чола и Чера в Южной Индии – все это никуда не денется. Но перестроить что-то необходимо. Даже само слово «исследование» как-то неловко звучит в таком рассказе. Может, следует по-другому относиться к работе с историческими источниками, вообще по-другому поименовать эту работу. Не «исследовать», а как-нибудь по-другому: «рассмотреть», «обратить внимание» или «поговорить».

В составлении этого нового исторического письма, дискурса, рассказа большую роль играет современная история. Постколониальный дискурс очень хорошо применим к современности. Довольно легко в контексте постколониальных идей рассуждать о правительстве Нарендра Моди, о Мамата Банерджи, наксалитах, бунтах фермеров, сложностях жизни современной женщины в большом городе.

Вот казалось бы обычное описание современного политического и экономического положения Индии, стремления достичь равного с передовыми странами экономического развития. Это стремление обеспечивается действиями правительства Нарендра Моди. Н. Моди и идеология индийского национализма, являющаяся основной доктриной правящей партии БДП, на данный момент не имеют значительных оппонентов на политической арене Индии. Данная идеология сменила в качестве доминирующей социально-демократическую и социально-либеральную идеологию Конгресса. Попытка на прошлых парламентских выборах 2019 г. создать широкую коалицию разных партий, основной целью которой фактически было противостояние лично Н. Моди, а не разработка какой-то

доктрыны, провалилась. Восхождение БДП стало очевидным еще во времена премьерства Атал Бихар Ваджапай (1998–2004). Теперь же представляется, что это идеология будущего Индии. В экономическом плане это значит, что политика активизации капитализма будет продолжаться. Существенной частью идеологии БДП является поощрение бизнеса, свобода предпринимательства, минимум государственного вмешательства в экономику. Правительство Н. Моди старается сделать все, чтобы предприниматели чувствовали себя как можно свободнее. Например, в 2016 г. была проведена значительная налоговая реформа, согласно которой один общий налог заменяет многие непрямые налоги, за исключением нескольких налогов, оставшихся в компетенции штатов. Правительство Н. Моди запустило важный проект «Make in India», направленный на поощрение производства товаров внутри страны и привлечение прямых иностранных инвестиций.

Такое изложение выглядит вполне приемлемым. Правительство Н. Моди имеет определенные задачи. Причины возникновения этих задач мы видим в стремлении сравняться с передовыми странами мира, в том, как интерпретирует пути достижения этого равенства идеология партии БДП. Мы также видим меры, принимаемые правительством Н. Моди. Но если мы хотим переработать данный нарратив с точки зрения постколониализма, следует внедрить в него критику колониализма, и желательно в большом объеме, чтобы она была основой этого рассказа. Нужно говорить о причинах недостаточной развитости Индии, ссылаясь на то, как колониальная власть сконструировала этот отсталый образ Южной Азии. Стоит указывать на обусловленность шагов правительства Н. Моди не просто исходя из современной экономической и геополитической конъюнктуры, а из той коренной предопределенности догоняющим положением на ленте времени по отношению к передовому миру, которое Индии задала колониальная эпоха. И все это следует уместить в одном рассказе, а также добавить про время моглаи, как это делает А. Скарпа.

Результатом постколониальной работы может являться исторический рассказ, однако он будет обладать своими отличительными чертами. Хронология, этот скелет истории, перестанет быть его опорой. Как же такое может быть? В данном случае, наверное, это будет уже не историческая дисциплина. Исторический рассказ о колониализме может начинаться с XXI в., переходить к национализму Дж. Неру, к волнениям в штате Гуджарат 2002 г., а затем к битве при Плесси. Вероятно, попросту линия времени больше не будет являться важнейшим элементом данного рассказа.

Д. Чакрабарти говорит, что подобно тому, как ньютоновская наука выдвигает формулу H_2O для общего обозначения воды, хотя на каждом языке это слово звучит по-разному: «pani» на хинди, «water» на ан-

глийском [10, р. 75], такой же универсализм можно отметить в использовании концепции прав человека, развития, демократии, экономики и т. д. По Д. Чакрабарти, только сочетание универсальных и не-универсальных элементов составляет основу всех существующих исторических процессов, включая и те, что имели место на Западе. Д. Чакрабарти вводит здесь разграничение между «историей 1» (И1), историей в глобализующем изложении, которая подразумевает игру трех терминов (третий термин выражает меру эквивалентности), которая делает генерализированный обмен возможным, и «историей 2» (И2), которая манит нас к более эмоциональным нарративам человеческой принадлежности, где жизнь формируется. В рамках И2 перевод более походит на бартер, чем на генерализированный обмен. И1 глобальна, а И2 отсылает к конкретным жизненным мирам. Суть в том, что поскольку И1 всегда опосредована И2, ни одна историческая форма, какой бы глобальной по своему охвату она ни была, не может быть универсальной. Например, по трактовке Д. Чакрабарти, глобализация капитала не то же самое, что универсализация капитала, ибо всякая форма капитализма является условным компромиссом, состоящим из И1, модифицированной чьей-то И2 [10, р. 71]. Д. Чакрабарти говорит, что мы всегда понимаем прошлое исходя из укорененности в свою локальную традицию, поэтому он обращается к понятию М. Хайдеггера «бытие-в-мире», чтобы концептуализировать эту укорененность. Но в то же время мы не в силах освободиться от модерна. Как указывает при помощи ссылки на фольклориста А. К. Рамануджана Д. Чакрабарти, можно одновременно быть и астрономом, и астрологом [10, р. 253].

Например, касательно острого для индийской культуры вопроса вдов Д. Чакрабарти показывает, как разворачиваются немодерновые, локальные понятия и термины в рамках нарратива модерна в контексте уточнения соответствующих европоцентричных универсалий, вводя неуловимое пространство перевода. Пространство перевода обязывает нас перестраивать свой язык, дополняя его модерновую структуру. Эти понятия и термины – особые «архивные» отложения в дискурсе, они не вписываются в выстроенный по некоему устоявшемуся образцу нарратив, как это происходит в биографиях двух активных борцов за права вдов Рамояна Роя и Ишванчандра Видьясагара, где используются как модерновые, так и санскритские концепты [10, р. 124–127].

В рамках такого рассказа приходится рассуждать о сознании, личном и общественном, о том, как колониализм предопределил наши представления о каких-либо вещах. Однако чувство истории, привязанности к историческому все же сохраняется. Все равно мы выходим на исторические события (крестьянские восстания), исторические процессы (борьба за права вдов) и пытаемся рассказать о них в терминах

исторической дисциплины (войны или можно говорить о долгом XIX веке в Индии).

Следовательно, необходимо уточнить основные параметры исторического рассказа и то, как они меняются под влиянием постколониального дискурса. Первое, что стоит помнить, – это рассказ. История – это не просто наука, а может быть, и совсем не наука. Это не просто понятия, категории, термины. Нельзя также говорить об истории как о дисциплине, исследовании. Нет, конечно же можно. Но не как об основной характеристике исторического повествования. Это рассказ. И у рассказа есть центр и зависимые от него элементы этого рассказа. И обычно под центром исторического рассказа понимается именно хронология, густая река времени. История – это человек во времени, как говорил великий Марк Блок. Для М. Блока и для абсолютного большинства историков, для сторонников традиционной историографии центр исторического рассказа – это именно хронология.

Но под влиянием постколониального дискурса центр исторического рассказа меняется. Это больше не хронология. Поэтому историческое повествование Д. Чакрабарти кажется непривычным, наполнено ссылками на философов, таких как М. Хайдеггер и Ж. Деррида. В этом повествовании – санскритские понятия, много-много критики колониализма и актуальная современная политическая и общественная жизнь. Центром исторического рассказа становится критика колониальной власти, а древние тексты, современные проблемы – это сопутствующие этому центру элементы. Исторический рассказ может быть следующим. Колониализм сковал Индию в догоняющем состоянии по отношению к Западу, развитому миру. Н. Моди – это одна из попыток разрешить неразрешимую задачу настичь передовые страны, а особенности локальных миров Южной Азии с их громадным числом этнических, религиозных, социальных различий, не просто надуманных, а подкрепленных богатым миром древней текстовой культуры, создают перспективное пространство для постоянных изменений и преобразований любых предпринимаемых действий.

Таким образом, отношения постколониального дискурса и исторической дисциплины предопределяются изменением центра исторического рассказа, его переориентацией с хронологии, исторического времени на критику колониализма. Это не означает отказ от традиционной работы с источниками и пренебрежение иными историческими периодами. Это означает большую напряженность при обсуждении роли колониализма, повышенный к нему интерес, вследствие чего иные исторические периоды и события в своем описании оказываются в постоянной повествовательной связи с нарративом о колониальной эпохе.

Список использованных источников

1. *Gandhi, L.* Postcolonial Theory: a crit. introd. / L. Gandhi. – New York: Columbia Univ. Press, 1998. – X, 200 p.
2. *Senghor, L.* Negritude: a Humanism of the Twentieth Century / L. Senghor // *The Africa Reader: Independent Africa* / ed.: W. Cartey, M. Kilson. – New York [etc.], 1970. – P. 179–192.
3. *Césaire, A.* Discourse on Colonialism / A. Césaire; transl. J. Pinkham. – New York: Monthly Rev. Press, 2000. – 102 p.
4. *Cabral, A.* National Liberation and Culture / A. Cabral // *Return to the Source: sel. speeches* / A. Cabral. – New York, 1973. – P. 39–56.
5. *Fanon, F.* Black Skin, White Masks / F. Fanon; transl. C. L. Markmann. – New York: Grove Press, 1967. – 232 p.
6. *Fanon, F.* The Wretched of the Earth / F. Fanon; transl. from the French R. Philcox; introd.: J.-P. Sartre, H. K. Bhabha. – New York: Grove Press, 2004. – LXII, 251 p.
7. *Pandey, G.* The Construction of Communalism in Colonial North India / G. Pandey. – Delhi [etc.]: Oxford Univ. Press, 1990. – XVI, 297 p.
8. *Suleri, S.* The Rhetoric of English India [Electronic resource] / S. Suleri. – Chicago: Chicago Univ. Press, 1992. – XII, 212 p. – Mode of access: <https://ru.scribd.com/read/160895395/The-Rhetoric-of-English-India>. – Date of access: 29.05.2019.
9. *Skaria, A.* Notes for a Politics of Hope / A. Skaria // *Hybrid Histories: Forests, Frontiers and Wildness in Western India* / A. Skaria. – Delhi; Calcutta, 1999. – Chap. 1. – P. 1–18.
10. *Chakrabarty, D.* Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference / D. Chakrabarty. – Princeton; Oxford: Princeton Univ. Press, 2000. – XII, 301 p.

Аннотация

В статье определяется значимость постколониализма для историографии. Отмечается критика постколониализма как абстрактной теории, концентрирующей все внимание на колониализме и игнорирующей изучение других этапов исторического процесса. Однако, как указывается в статье, постколониализм позволяет перестроить исторический рассказ, переместив его центр с изучения человека во времени, с хронологического описания событий на критику колониальной власти. Благодаря переоценке колониальной обусловленности большинства наших представлений об истории, об Азии, в частности об Индии, появляется возможность более свободного и полного исторического описания.

Abstract

The article defines the significance of postcolonialism for historiography. There is criticism of post-colonialism as an abstract theory that focuses all attention on colonialism and ignores the study of other stages of the historical process. However, as the article points out, on the other hand, post-colonialism allows the historical narrative to be restructured, shifting its focus from the study of man in time, from the chronological description of events, to the critique of colonial power. Based on a reassessment of the colonial conditions of most of our ideas about history, about Asia, in particular about India, the possibility of a freer and more complete historical description appears.